

городов в ахейской Элладе изучаемого времени отражена в «Каталоге кораблей» (стр. 117). О структуре ахейского города XVI—XIII вв. до н. э., по мнению автора монографии, наиболее полное представление дают раскопки Микен (стр. 117). Остальная большая часть главы о деревне и городе ахейских греков посвящена, как уже упоминалось выше, подробному археологическому описанию пилосского дворца (стр. 121—146). Отмечается единство архитектурной традиции дворцовых ансамблей Мессении, Арголиды, Беотии, Фессалии. Отмечен сложный характер царского хозяйства. Упомянуты находки в пилосском дворце большого количества надписей, написанных линейным письмом В. Но даже и здесь они фактически не использованы и даже сам пилосский владыка назван басилеем, а не «ванакой», как его называют пилосские надписи.

На протяжении всей монографии социально-экономическое, политическое и идеологическое развитие ахейского общества прослеживается только на основе большого, тщательно описанного и разобранного археологического материала и, по мере возможности, сопоставленного с эпосом. Исследование комплексов археологических памятников во всех случаях завершается серьезно обоснованными, вытекающими из проделанного разбора выводами. Впервые в советской историографии исследована история юга Балканского полуострова от палеолита до падения ахейских государств. Надо еще раз отметить, что немые археологические источники, конечно, являются главными и основными при разработке такой темы. Однако все же неоправданной является недооценка письменных источников, табличек с надписями линейным письмом В. Конечно, этот источник относится только к позднеэлладскому периоду. Но и в позднеэлладском периоде он почти не использован. На это обстоятельство мы обращаем внимание еще потому, что эпос, дошедший до нас в записях гораздо более позднего времени и не являющийся стро-

го документальным материалом, явно предпочитается автором монографии документальным пилосским и микенским надписям — современникам событий. На наш взгляд, спорна и аналогия ахейского общества со скифским середины I тыс. до н. э. и подобными ему, высказанная Т. В. Блаватской в последней, пятой главе. Исследование содержания пилосских и микенских надписей помогло бы уточнить характеристику ахейского общества и государства. Но поскольку основным источником рецензируемой монографии является археология, то следует вспомнить, что у скифов не было чего-либо, напоминающего ахейские дворцы, не было и своей письменности. И еще одно замечание. На наш взгляд, в монографии недостаточно уделено внимания внешним связям и влияниям, отчего создается впечатление о некоторой обособленности развития ахейской Греции.

Однако эти замечания ни в коей мере не влияют на высокую в целом оценку монографии, являющейся бесспорным достижением советской исторической науки по истории древнейшей Греции, периоду еще недостаточно изученному и по состоянию источников допускающему сосуществование различных точек зрения по целому ряду вопросов. Рецензируемый труд заполняет весьма существенный пробел, существовавший до сих пор в нашей исторической научной литературе. В монографии на обильном археологическом материале, частично сопоставленном с другими источниками, убедительно показано постепенное разложение первобытно-общинного строя на юге Балканского полуострова и возникновение и развитие раннеабовладельческих отношений и раннеабовладельческих ахейских государств. Таким образом, Т. В. Блаватская выполнила сформулированную ею во введении (стр. 15) трудную задачу: она весьма основательно «наметила контуры происшедшего тогда исторического процесса».

Н. Н. Пикус

«История Византии», т. I, М., Изд-во «Наука», 1967, 523 стр., тираж 16 300, цена 2 р. 50 к.

Первый том трехтомной «Истории Византии», написанный коллективом наших ведущих, а также молодых, но уже известных своими исследованиями специалистов по истории Восточной Римской империи IV—VII вв. (З. В. Удальцова, М. Я. Сюзюмов, Г. Л. Курбатов, Е. Э. Липшиц, К. В. Хвостова, Р. А. Наследова, С. С. Аверинцев, Е. Э. Гранстрем,

А. В. Банк), представляет значительное явление в советской историографии. Он подводит некоторые итоги многолетним исследованиям и движениям советского византиповедения и, что всегда неизбежно связано с подведением итогов, выявляет круг проблем, спорных и подлежащих дальнейшему обсуждению. В последнем смысле он особенно ценен для историков

профессионалов. Но вместе с тем живость изложения, яркость характеристик, обилие фактического материала, многочисленные иллюстрации делают его интересным и для широких читательских масс.

Том содержит 20 глав: Источники по истории Византии IV — первой половины VII в.; Образование Византии, природные условия и население; Аграрный строй Византии IV—V вв.; Города, ремесло и торговля IV—V вв.; Константинополь и провинции; Социально-политический строй и административная организация Империи в IV—V вв.; Христианская церковь в IV—VI вв.; Внутреннее и внешнее положение византийского государства в IV в.; Внутренняя и внешняя политика Византии и народное движение во второй половине V в.; Социально-экономическая и административная политика Юстиниана; Законодательные реформы Юстиниана; Церковная политика Юстиниана, народно-еретические движения в Империи; Народные движения при Юстиниане, восстание Ника; Внешняя политика Юстиниана, попытки реставрации Империи на Западе, войны с Ираном, византийская дипломатия; Вторжения славян и их расселение на территории Византийской империи; Внутреннее и внешнее положение Империи во второй половине VI—VII вв.; Византийская наука и просвещение в IV—VII вв.; Неоплатоническая философия IV—VI вв.; Византийская литература IV—VII вв.; Византийское искусство IV—VII вв. Как видно даже из приведенного перечня глав, наиболее характерные, отличительные черты тома, это — стремление авторов органически связывать эволюцию социально-экономических отношений с политическим строем, внутренней и внешней политикой правительства, религиозной и культурной жизнью, а также исключительное внимание к народным движениям, их роли в истории рассматриваемого периода, во внутрицерковной борьбе и борьбе различных группировок господствующего класса. Такой же упор на значение народных элементов, противостоящих элементам аристократическим, делается и в главах по истории культуры. Таким образом, марксистское понимание роли народных масс в ходе исторического процесса во всех его аспектах убедительно противопоставляется буржуазным теориям, видящим единственную движущую силу в истории и особенно в истории культуры лишь в социальной и культурной «элите».

Хронологические рамки тома определяются точкой зрения авторов на IV—VII века как на последний этап существования рабовладельческой формации на территории Восточной Римской империи. Зарождавшиеся там элементы феодализации, по их мнению, возобладали лишь после глубоких политических измене-

ний второй половины VII в. — после отпадения областей, завоеванных арабами, персами, славянами, аварами; разрушения в результате войн большинства старых городов и крупных рабовладельческих имений, земли которых перешли к свободным крестьянским общинам; перехода политической власти в руки феодализирующейся знати и известной децентрализации государственного управления. Тогда, к концу VII — началу VIII в., Византия из рабовладельческой империи превращается в «средневековое, все более феодализирующееся государство», вступает в «новый, феодальный период своего развития», т. е., хотя и при значительных отличиях, начинает следовать по пути, на который несколькими веками раньше вступила западная половина Империи (стр. 374, 376—378). И здесь авторы тома, естественно, сталкиваются с одной из самых важных и вместе с тем самых спорных проблем всемирной истории: чем объясняется разница судеб Западной и Восточной Римской империи? Проблема эта имеет большое теоретическое значение для суждения об общих и частных закономерностях перехода от одной социально-экономической формации к другой, поскольку переход от рабовладельческого к феодальному способу производства должен иметь как какие-то общие с историей других формаций, так и свои особые закономерности. Выявление и объяснение тех и других — благодарная задача для всякого марксиста, работающего в области философии истории. Важна указанная проблема и для разрешения извечного спора между сторонниками концепции коренного различия между ходом развития «запада» и «востока» и сторонниками точки зрения на исторический процесс, как на всемирный, с общими для всего человечества этапами (хотя отдельные общества проходят их по-разному, в разное время, со своими обусловленными множеством конкретных причин отличительными особенностями). Все эти вопросы в последнее время приобрели особую актуальность в Западной Европе и Америке в связи с вновь разгоревшимся старым спором о месте Византии среди других обществ или цивилизаций соответственно о соотношении Византии и многое заимствовавшей у нее Руси, с античной и западноевропейской цивилизациями.

Авторы рецензируемого тома, считая, что с VIII в. Византия вступила в эпоху феодализма, аналогичного западному и обусловленному теми же процессами — внутренней эволюцией общества и вторжениями племен и народов, принесших с собой общину и свободное крестьянское производство, подчеркивают, что устойчивость рабовладельческих отношений и централизованной монархии в восточной половине Империи обуславливалась особенностями социально-экономической

структуры последней. Эти особенности заключались в менее интенсивном развитии рабства и искомных, более мягких формах эксплуатации рабов, сидящих на земле; значительной роли свободного труда, в частности, труда составлявших основную массу земледельческого населения колоннов и свободных крестьян, часто живших общинами, что тормозило их закрепощение (стр. 78—95); в преобладании свободного труда в ремесле, что несколько нейтрализовало действие кризиса рабовладельческого способа производства, сделало ремесло устойчивым и дало возможность ряду областей экономики развиваться далее (стр. 112, 211, 222); в устойчивости торговли, а следовательно, и товарно-денежных отношений, и бывших средоточием этих отношений городов, во многом еще сохранявших характер античных рабовладельческих полисов (стр. 101—105, 111—117); в силе и жизнеспособности муниципальной знати и торгово-ремесленных слоев, а отчасти и городского плебса, на которые императоры могли опираться в борьбе как с варварскими вторжениями, так и с децентрализаторскими стремлениями земельных магнатов (стр. 136, 185, 201). Именно сила городских слоев предотвратила распад Империи в V в. (стр. 200—203). Опираясь на эти слои, византийские императоры успешно приспособили зарождавшиеся отношения, предвосхищавшие феодальные, к старым рабовладельческим нормам (стр. 218), а в VI в., в правление Юстиниана, при их поддержке оказалось возможным предпринять грандиозную попытку реставрации античного рабовладельческого общества не только в Восточной, но и в бывшей Западной Римской империи.

Взаимоотношения городских слоев и крупных землевладельцев, то борющихся между собой, то на короткое время, по тем или иным причинам, объединявшихся и использовавших народные движения для достижения своих целей, авторы придают очень большое значение, говоря как о положении в различных районах Империи и политике императоров относительно этих районов, так и о подоплеке внутрицерковных распри и обо всей культурной жизни Византии, определявшейся, с одной стороны, противоречием между античным, языческим и новым, христианским началом, а с другой, — их взаимовлиянием, взаимопроникновением. Так, например, в политике Юстиниана прослеживается стремление укрепить в интересах курiales рабовладельческие отношения, приблизить положение колоннов к положению рабов и вместе с тем тенденции оформить те реальные изменения, которые приводили к усилению связи между посаженными на землю рабами и колоннами и их земельными наделами и пекулиями. Под тем же углом зрения характеризуется и

законодательная деятельность Юстиниана, сочетавшего в праве старые рабовладельческие нормы с требованиями новых отношений (стр. 266). Однако, несмотря на уступки новому, главной задачей Юстиниана, как и его ближайших предшественников и преемников, было именно сохранение старого, попытки спасти античный рабовладельческий строй, который спасти было уже невозможно. В противоположность западной половине Империи, Восток «судорожно цеплялся за старое: рабовладельческий муниципий по-прежнему оставался важной экономической ячейкой общества, а крестьянин... бесправным подданным и налогоплательщиком... Проблема, разрешившаяся на Западе благодаря варварскому вторжению и коренной ломке государственного аппарата, еще стояла перед Восточной империей». К развалу Империи в конце VII в. привела неудача рабовладельческой реакции Юстиниана и попыток его преемников провести реформы, отвечающие интересам феодализирующей знати. Прежде подавленные революционные силы — народные движения и варварские завоевания — оказались раскованными и обусловили, как за три века до того на Западе, феодализацию общества (стр. 362, 366 сл.).

Концепция авторов рецензируемого тома отличается стройностью и подкреплена богатым фактическим материалом, однако далеко не все представляется в ней бесспорным и в ходе аргументации замечаются известные противоречия. Неоднократно повторяемый тезис о рабовладельческом характере Византийской империи в рассматриваемый период основывается на данных о значительном числе рабов в селах и городах; на сохранении (несмотря на некоторые фактические изменения в положении рабов) старых римских норм, резко разделяющих рабов и свободных, — норм, повлиявших и на отношение к рабам христианской церкви, вступившей в союз с рабовладельческим государством. Отсюда делается и вывод о характере городов Восточной империи как античных рабовладельческих полисов и соответственно о социальном облике муниципальной знати, курiales, остававшихся земле- и рабовладельцами.

Первая, исходная часть аргументации может вызвать ряд возражений. Само по себе количество рабов и отношение к ним права и религии еще ничего не доказывает. Достаточно известно, что и на Западе во времена раннего средневековья, а кое-где и значительно позже, число рабов было весьма значительным и, по известному замечанию Ф. Энгельса, сохранение рабовладельческих правовых норм помогло помещикам укреплять свою власть и над другими категориями зависимых людей. По-видимому, рабовладельческим можно признать не всякое общество, в котором примечается труд того или иного

числа рабов (так же как распространение наемного труда еще не делает общество капиталистическим), а лишь такое общество, самое существование которого немислимо без эксплуатации рабов. Таким был классический античный полис, где принцип единства понятий «гражданин» и «земледелец», отмена любых форм порабощения и закабаления сограждан и отмеченное уже в законах XII таблиц запрещение персональных привилегий оставляли только один путь эксплуатации чужого труда в сколько-нибудь широких масштабах, а именно: эксплуатацию рабов, стоявших вне каких бы то ни было институтов и юридических норм полиса и подчиняющихся только своему владельцу. Когда с началом Империи правительством начинает чем далее, тем более вмешиваться в отношения прежде абсолютно замкнутого мирка фамилии, классическому рабовладению наносится первый удар — рабы становятся в какой-то постоянно возрастающей мере не только собственностью господина, но и, пусть занимающими самое низкое место в сословной иерархии, подданными государства. Однако связь эта осуществлялась как бы через голову полиса, внутри которого рабы занимают свое прежнее место. И пока господствующим, развивающимся ингредиентом империи остается полис, основанный хотя бы и на значительно модифицировавшейся античной форме собственности, закономерно считать империю рабовладельческой, хотя античная форма и сосуществовала с иными, в ряде районов представлявшими ведущий уклад формации.

Но можно ли безоговорочно считать города ранней Византии полисами, базирующимися на античной форме собственности? Положение это не представляется доказанным достаточно убедительно. Тот факт, что города составляли одно целое со своей округой, хорой (стр. 102), еще таким доказательством служить не может, поскольку в аналогичном положении находились многие средневековые городские республики. К тому же, судя по приводимым в самом томе фактам, хорошо известным также из Либания, значительная часть принадлежавшей городским собственникам территории возделывалась колонатами, которые — в отличие от классических норм — гражданами (или во всяком случае, полноправными гражданами) городов не были. Не были таковыми и крестьяне, поскольку, начиная с Константина, различие между сельским и городским плебсом проводится достаточно четко, тогда как в античном полисе всякий уроженец городской территории был гражданином, равным всем прочим, независимо от места жительства и занятий. Далее, как мы узнаем, богатые муниципалы стремились выделить свои земли из городской территории (стр. 102); земельная собственность городов (т. е.

те владения коллектива сограждан, в которых находил свое выражение общественный аспект античной формы собственности, делавший полис своего рода общиной) почти сошла на нет в результате конфискаций IV в. (стр. 110); в IV—V вв. сословие куриалов разлагается и власть переходит к торгово-ростовщической верхушке (стр. 124), т. е. города становятся уже не организациями земельных собственников, но торгово-ремесленными центрами; Юстиниан оформил в праве уже издавна шедшие процессы унификации всех видов собственности, уничтожив пережитки многообразия древней римской собственности (стр. 255), и отменил старые градации прав разных групп населения в зависимости от их гражданского статуса, заменив их отличиями по этническому и сословно-классовому признакам (стр. 326). Сюда же следует добавить и признак вероисповедания, поскольку лица, принадлежавшие к государственной церкви, пользовались рядом привилегий по сравнению с иноверцами. Все эти моменты опять-таки совершенно не вяжутся с представлением о ведущей роли в империи муниципальной организации, предполагавшей деление населения и соответственно собственности на многие ступени в зависимости от гражданского статуса, дававшего те или иные права собственности, или владения на той или иной территории и исключавшей этнический и религиозный момент, который имел, напротив, столь капитальное значение в городах средневековых. Наконец, с тезисом о рабовладельческом античном городе, определявшем рабовладельческий характер Византии IV—VII вв., расходится утверждение, что «вышедшая из кризиса III века Римская империя была уже не столько объединением полисов, сколько государством крупных земельных собственников. Наиболее жизнеспособным оказались те города — а их было немало, — которые являлись средоточием товарного производства» (стр. 103).

Но если столь многое говорит против того, что ранневизантийские города оставались античными рабовладельческими полисами, если они превратились в торгово-ремесленные центры, то ставится под большое сомнение и самый характер Византии того времени как рабовладельческого общества и государства, так как владельцы крупных экзимирированных салтусов служили социальной базой такого общества и государства никоим образом не могли. И дело тут опять-таки не в количестве рабов в их имениях и не в степени сближения положения колонов с положением рабов — ведь немало черт сближает позднеримских колонов и рабов с крепостными и дворовыми ряда феодальных государств, — а в том, что эти земельные магнаты не были связаны с той полисной античной формой собственности, которая делала неизбежной классическую форму

рабовладельческого способа производства. Направляется мысль, что городские слои, служившие императорам опорой против земельных магнатов и варваров, не рабовладельцы античного типа, а социальная группа иной природы, отсутствовавшая на Западе, но сохранившаяся или сложившаяся на Востоке в силу особых условий — развития внешней торговли, устойчивости ремесла и товарно-денежных отношений и т. п.

Иную интерпретацию может получить и принята авторами точка зрения, согласно которой восточная половина Империи потому менее западной была задета кризисом рабовладельческого способа производства, что рабский труд играл в ней меньшую роль и рабство могло просуществовать дольше. По-видимому, здесь следует учитывать самый характер распространения рабовладельческих отношений на западе и на востоке Империи. Подавляющее большинство западных провинций вошло в состав Империи в период их перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, которое под влиянием Рима, а также других, еще недостаточно изученных причин стало обществом античного типа, хотя и с более или менее значительными пережитками прежних форм, продолжавших существовать и развиваться в тесном взаимодействии с античными. Последние получили абсолютное преобладание, почему их кризис приобрел характер кризиса всего общества, как бы вернувшегося к первоначальному состоянию, из которого развиваются феодальные отношения. На Востоке классовое общество и государство к моменту римского завоевания существовало уже много веков, выработав отношения, во многом отличные от античных, — крупная земельная собственность, формы эксплуатации зависимых земледельцев, крестьянские общины разного статуса, городские ремесло и торговли с их организацией, характер взаимоотношения всех этих слоев с центральным правительством и т. п. Античные порядки, влияя на все эти отношения, не могли разложить их в той степени, в какой могли разложить уже подходивший к своему концу первобытнообщинный строй западных областей, как не могла греко-римская культура вытеснить культуры восточных провинций. С кризисом античного мира сохранившиеся там отношения начинают выступать на поверхность и преобладать, что и сказало в так называемой «орнентализации Империи», состоявшейся не только и не столько в лежащих на поверхности изменениях государственного строя и культуры, но в глубинных изменениях социально-экономических основ. И здесь оживает отчасти старое, но гораздо более устойчивое и жизнеспособное, чем на Западе, почему кризис и проявляется менее остро. Но для того, чтобы

охарактеризовать эти древние основы, следует более подробно и четко разобраться в их генезисе и истории на протяжении предшествующих столетий. Задача эта несколько затруднялась стремлением исследователей непременно находить в древности всюду рабовладельческие отношения в их классической греко-римской форме, исходя не столько из всестороннего анализа общественного строя как целого, сколько из предполагаемой численности рабов и данных об их тяжелом положении. Думается, что намечившийся в последнее время в этом смысле поворот, отразившийся и в теоретических исследованиях различных форм зависимости в древности и в конкретном изучении рабства, земледельческого населения, общин на эллинистическом и римском Востоке, будет способствовать и разрешению вопроса о формационной принадлежности ранневизантийского общества, о сочетании там древнейших, античных и новых элементов, о характере и особенностях перехода этого общества к феодальной формации.

Соотношение и взаимовлияние упомянутых элементов особенно удачно показано в рецензируемом томе в главах, посвященных культурной и религиозной жизни Византии, что особенно ценно с точки зрения упоминавшихся выше споров о сущности византийской цивилизации. Общее впечатление, правда, несколько снижается кое-где проскальзывающим отношением к христианству только как к религии эксплуататоров, способной более эффективно, чем язычество, укреплять власть рабовладельцев над рабами и подчинявшейся в своем развитии почти исключительно политическим соображениям и интересам различных группировок правящего класса, широко использовавшего социальную демагогию христианских проповедников (стр. 163, 167, 169).

Вряд ли такая упрощенная точка зрения на христианство даже той эпохи, когда оно стало государственной религией, может быть принята. Она лишь констатирует тот факт, что сильная монархическая власть нуждалась в идеологии, которая освящала бы ее и весь возглавлявшийся ею строй, и что при таких обстоятельствах политическая борьба неизбежно становилась борьбой против официальной идеологии. Но она не поясняет, как и почему именно христианство, начавшее с последовательного отрицания всей римской системы ценностей, стало официальной идеологией Поздней Римской империи, по мнению авторов, оставшейся рабовладельческим государством, каким было вначале. Не разъясненной остается и жизненная сила христианства, его все растущая популярность в широких народных массах, несмотря на то, что оно как будто призывало к покорно-

сти и терпению, в то время как протест масс против угнетения становился все более острым. Неясно, наконец, как сочеталась социальная демагогия, обличение богатых и власть имущих с задачей укрепления существующего строя. Видимо, здесь имел место сложный процесс, известную аналогию которому можно найти в первые века Империи. Тогда ораторы и философы нередко использовали в своих речах и сочинениях, направленных против богачей, близкие народу выступления популяров конца Республики, что, однако, не вызывало недовольства императорской цензуры, часто уничтожавшей произведения, казавшиеся опасными. Август и его преемники, терпя и даже поощряя инвективы против пороков высших, могли выступать как продолжатели популяров, как верховные защитники интересов народа, осуществившие его чаяния и принесшие ему золотой век. Но революционная сущность и значимость речей ораторов времен Республики теперь нейтрализовалась: если тогда пороки отдельных лиц и социальных групп связывали с пороками существующего строя и призывали к его изменению или свержению, то при Империи насилие и гнусности тех или иных богачей, аристократов, правителей трактовались как частный случай, не бросающий тень на Империю в целом. В конце концов, соответственные мотивы превратились в риторические упражнения, уже не производившие впечатления на слушателей и читателей, и массы обратились к христианству, наиболее полно и в наиболее адекватной по тому времени форме отразившему их протест против существующих отношений. Когда христианство стало государственной религией, оно не могло отказаться и не отказалось от составлявшей его ядро идеологии угнетенных. Но последняя коренным образом отличалась от активной, революционной идеологии времен гражданских войн и с самого начала не требовала переустройства социального и политического строя. От нее христианство последующих веков сохранило и отвращение от внешнего мира, и переосмысление всех его отношений под углом зрения своих, новых ценностей, и осуждение греховности тех, кто привержен земным, а не духовным благам, словом, все, что

на этом этапе обеспечило ему победу в народе, чьему мировоззрению оно наиболее полно отвечало. Кроме того, впитывая различные течения и влияния, идеи, распространенные в других общественных слоях, оно все более усложнялось, модифицировалось, разветвлялось на разные направления. И именно учитывая особенности идеологии пизов последних веков Империи, а также, вероятно, и многих веков эпохи феодализма, и сложность самого христианства и его развития, нельзя говорить о прямом и сознательном использовании его для духовного подавления масс. Иначе делаются непонятны не только окончательная победа христианства над всеми иными религиозными и философскими течениями, но и то обстоятельство, что рождающаяся христианская культура становится, в противоположность умирающему язычеству, подлинно народной культурой.

Последнее очень ярко проиллюстрировано в главах, посвященных неоплатонической философии, литературе, искусству. Авторы этих глав, преодолев традиционное представление, будто христианство ответственно за гибель жизнеутверждающей античной культуры, наглядно показали результат многовековой эволюции последней. Крайнее сужение ее социальной базы, ограниченной уходящими в прошлое общественными слоями, обусловило ее реакционность, оторванность от народа, бесперспективность, вырождение. Напротив, христианская культура, заимствуя и перерабатывая античное наследие, создавала новые, близкие и понятные массам формы, соответствовавшие и новому, отвечающему требованиям времени содержанию. Начало византийского средневековья предстает здесь не как «темные века» упадка, а как период напряженного творчества, лежащего в основе дальнейшего прогресса.

Как мы видим, несмотря на спорность некоторых положений (это не недостаток, а напротив, достоинство всякого труда, рассчитанного на мыслящего читателя) первый том «Истории Византии» представляет собой капитальное исследование, содержащее много нового и ставящее важнейшие проблемы, обсуждение которых сулит плодотворную дискуссию.

Е. М. Штаерман

FIORELLA IMPARATI. I Hurriti, Firenze, 1964, 175 стр., 13 табл.

Детальное изучение древневосточных письменных памятников из Богазкёя, Мари, Алалаха, Нузи, Аррапхи, Угарита дало возможность выявить не только отдельные важные моменты истории, религии и культуры хурритов — одного из крупных этнических образований древней Передней Азии, — но и ряд черт хур-

ритского языка, главным образом, его морфологии и лексикологии. Вместе с этим, археологические раскопки, проведенные в Северной Месопотамии, Северной Сирии, а также в Закавказье, по-новому поставили вопросы культурных, этнических и экономических взаимоотношений указанных выше областей, обога-

щая наши знания по хурритологии. Все это открыло перед исследователями новые перспективы изучения хурритского мира, иного осмысления известных ранее данных письменных источников и культурных памятников. Постепенно созревала потребность в создании научного труда, в котором были бы подытожены современные знания по истории, языку и культуре хурритов.

Рецензируемая работа, однако, еще не является опытом создания такого сводного исследовательского труда; это лишь научно-популярный очерк, представляющий собой последовательный обзор достижений, основанный на широком использовании опубликованных до 1964 г. научных трудов по хурритологии и смежным дисциплинам. Поэтому, естественно, автор часто следует за мнениями, высказанными ранее, воздерживаясь от собственных наблюдений и выводов¹. Это отчасти, очевидно, объясняется тем, что Ф. Импарати в первую очередь хеттолог и специально хурритами не занималась.

Ввиду сказанного автору нельзя предъявить тех претензий, к которым можно было бы обратиться к автору исследования обобщающего характера. Впрочем, задача создания такого труда по хурритологии, потребность в котором очень велика у специалистов широкого круга дисциплин, по нашему мнению, уже не по плечу одному ученому, ее решение требует комплексного труда историков, правоведов, лингвистов и археологов, работающих в области древнего Востока.

Требованиям же, которые можно предъявить к научно-популярному очерку, рассматриваемая работа вполне отвечает. Несмотря на отдельные недостатки, о которых будем говорить ниже, Ф. Импарати в целом удовлетворительно знакомит читателей с основными проблемами, связанными с хурритами и дискутируемыми в современной специальной литературе. Что же касается использованной литературы, то тут следует упрекнуть автора в полном незнании с новыми работами советских ученых², за исключением

¹ Ф. Импарати — автор ряда работ по хеттологии. См., например, F. Imparati, Note al codice ittito, PP, 66, 1959, стр. 185—189; она же, Su alcuni articoli del codice ittito relativi a categorie sociali, RIDA, 6, 1959, стр. 65—75; она же, L'Autografia di Gattušili I, SCO, XIII, 1964, стр. 7—41; она же, Le deggi ittite, Roma, 1964.

² См., например, Г. А. Мелликишивили, Напри-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 88—104 и др.; И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5, стр. 52 сл.; она же, A Comparative Survey of the Hurrian and Urartean Languages («Paper for the XXIV International Congress of Orientalists»), М., 1957; она же, Народы древней Перед-

статья Т. В. Гамкрелидзе, опубликованной на английском языке (AOr, 29, 1961, № 3, стр. 406—418). В приведенной в конце книги библиографии отсутствует и несколько других работ, опубликованных за рубежом до появления рецензируемой книги, в которых рассматриваются связанные с хурритами вопросы. Эти работы указаны ниже.

В первой же главе книги «Хурритский этнос» (стр. 3—37) автор рассматривает ряд важных вопросов, окончательное решение большинства которых все еще не удается специалистам. Ф. Импарати в основном правильно излагает современное состояние их изучения. При рассмотрении вопросов расселения хурритов по данным древних письменных источников (стр. 3—8) автор разделяет предположение ряда ученых о неавтохтонности хурритов. Допуская возможность о переселении этих племен из района Кавказских горных хребтов или же из «Внутренней Азии», Импарати отмечает, что хурриты, долго обитавшие вокруг озера Ван, с древнейших времен постепенно проникали в Северную Месопотамию. Именно отсюда распространились они к юго-западу, по направлению Верхнего Тигра и Евфрата — в долины рек Хабур и Белих. Существование хурритов в Северной Месопотамии засвидетельствовано письменными источниками, относящимися ко второй половине III тыс. до н. э. В дальнейшем хурриты из указанных районов распространились по довольно обширной территории — до Сирии и Палестины, Киликии, Каппадокии и т. д.

Археологический материал, добытый новыми раскопками в Северной Месопотамии³ и не учтенный автором рецензи-

ней Азии, ПЭС, I, 1958, стр. 26—33; она же, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков, ПАС, I, М., 1961, стр. 369—423 (резюме на англ. яз.); Н. Б. Янковская, Хурритская Аррапха, ВДИ, 1957, № 1, стр. 17—33; она же, Зависимость распоряжения собственностью в Аррапхе от особенностей ее общественного строя, «Еос», 1957, 48, № 2, стр. 3—13; она же, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР, ПАС, I, стр. 424—580 (резюме на англ. яз.); она же, Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft (auf Grund von Rechtsurkunden aus Arrapha und Alalah), ACIO, 25, 1962, 1, стр. 226—232; О. В. Циктишвили, Из истории хурритского общества по материалам архива Нузи, Тбилиси, 1956, 16 стр. (автореф. дусс.) и др.

³ А. Моортгат, Archäologische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung im nördlichen Mesopotamien 1955, Köln-Opladen, 1957; она же, Archäologische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung im nördlichen Mesopotamien 1956, Köln-Opladen, 1959 и др.

руемой книги, подтвердил правильность высказанного ранее в литературе мнения, что Северная Месопотамия была «ядром страны хурритов»⁴. При этом долина р. Хабур рассматривается как центральный район хурритских племен уже в конце III тыс. до н. э.⁵ Особенно важный материал был выявлен в Тель-Фахарии (Фехерие) и Тель-Хуере⁶.

Выдвигая предположение о переселении хурритских племен с Кавказских гор, которое находит поддержку в соображениях ряда ученых относительно связи пространной «куро-араксской» культуры с хурритами⁷, Ф. Импарати не отмечает, что гипотеза о переселении интересующих нас племен из «Внутренней Азии» весьма слабо обоснована. Кроме того, она вообще не учитывает существование довольно известного предположения, согласно которому место раннего пребывания хурритов следует видеть и в районах, расположенных близ оз. Урмия, к востоку от Тигра⁸.

В этой части книги Ф. Импарати не касается вопроса о местоположении столицы Митаннийского царства Вашшуканни, хотя дальше, на стр. 57 она все же правильно отмечает, что этот город точно не локализован. И действительно, до последнего времени почти все исследователи отождествляли Вашшуканни с Тель-

Фахарией (к югу от совр. Рас-ель-‘аин, в долине р. Хабур), что было основано на отождествлении названия пункта Sikāni новоассирийского времени, локализованного учеными на месте Тель-Фахарии, с названием Uaššukanni⁹. Однако, как уже указывалось в специальной литературе, раскопки в Тель-Фахарии, не дали твердого подтверждения этого отождествления¹⁰. Вместе с тем Е. Кантор обращает внимание на тот факт, что в табличках среднеассирийского времени, обнаруженных в Тель-Фахарии Мак Еваном и изданных Г. Гютербоком в упомянутой выше коллективной работе (см. выше, прим. 6), выступает название Dunni, которое следует рассматривать, по Е. Кантор, не как аккадское слово для обозначения «крепости», а как наименование пункта, расположенного на месте Тель-Фахарии в XIII в. до н. э.¹¹ Это противоречит отождествлению Тель-Фахарии с Вашшуканни. Более того, некоторые ученые допускают возможность локализации центра Митаннийского государства в Тель-Хуере¹² (в 40 км к юго-западу от Тель-Фахарии).

Правильно поступила Ф. Импарати, выделив специально вопрос о взаимоотношениях субарейцев и хурритов (стр. 8—11). Однако она безоговорочно принимает выдвинутое И. Гельбом в 40-х годах мнение, согласно которому хурриты и субарейцы — отличные друг от друга этнические группы. Ф. Импарати обращает внимание читателя на три главные обстоятельства, подтверждающие правильность данного предположения: 1) отдельные субарейские названия текстов III династии Ура по звуковому составу отличны от хурритских названий того же периода; 2) в одной табличке из Рас-Шамры хурриты (URJ) различаются от субарейцев (SBR); 3) хурритские названия Тигра и Евфрата отличны от субарейских названий этих рек. Правда, предположение И. Гельба находит все больше сторонников, однако, на наш взгляд, все же следовало бы заметить, что пока еще имеется ряд моментов, требующих соответствующих объяснений для окончательного решения поставлен-

⁴ В. Н г о u d a, Die bemalte Keramik des zweiten Jahrtausends in Nordmesopotamien und Nordsyrien, В., 1957. См. также рецензию на эту книгу: М. В е l k e r, OLZ, 55, 1960, № 7/8, стр. 378.

⁵ Н. J. К а n t o r (рец. на кн.: М о o r t g a t, Archäologische Forschungen... 1955), OLZ, 56, 1961, № 1/2, стр. 44.

⁶ С. W. М e E w a n, L. S. В r a i d w o o d, Н. F r a n k f o r t, Н. G. G ü t e r b o c k, R. C. H a i n e s, Н. J. К а n t o r, С. Н. К r a e l i n g, Soundings at Tell Fakhariyah, Chicago, 1958; В. Н г о u d a, Tell Fehērije. Die Keramik, ZAss, NF, 20 (54), 1961, стр. 200—240; А. М о o r t g a t, Tell Chuēra in Nordost-Syrien, Köln-Opfaden, 1960.

⁷ С. А. В u r n e y, Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age, AnSt, 1958, 8, стр. 167; О. М. Д ж а п а р и d з e, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961, стр. 250 слл. (на груз. яз.; резюме на русск. и англ. яз.); И. М. Д ъ я к о н о в, Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с древним Востоком в III—I тыс. до н. э. (тезисы), Баку, 1966, стр. 7 сл.

⁸ Г. А. М е л и к и ш в и л и, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, стр. 165. Там же ссылка на литературу (на груз. яз.); он же, Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, ВДИ, 1965. № 1, стр. 17.

⁹ Подробно см. В. Н г о u d a (рец. на кн. С. W. М e E w a n, L. S. В r a i d w o o d и др., см. выше, прим. 6), OLZ, 55, 1960, № 1/2, стр. 29.

¹⁰ Н г о u d a, Die bemalte Keramik..., стр. 30. Однако этот ученый все же придерживается мнения, что Тель-Фахария — это Вашшуканни. См. также указанную его работу «Tell Fehērije», стр. 200.

¹¹ К а n t o r, ук. соч., стр. 45, прим. 2. Ср. Н г о u d a, ук. соч., стр. 30.

¹² М. М a r t i n (рец. на кн. М о o r t g a t, Tell Chuēra...), Or, 32, 1963, № 3, стр. 349. О значении Тель-Хуеры см. также Н. J. К а n t o r (рец. на книги Мортгата «Archäologische Forschungen... 1956» и «Tell Chuēra...»), OLZ, 58, 1963, № 9/10, стр. 465.

ного И. Гельбом вопроса (например, появление хурритского элемента на территории, расположенной к востоку от Тигра, вопросы локализации отдельных пунктов Северной Месопотамии и др.).

В связи с постепенным распространением хурритов к юго-западу в рецензируемой работе рассматривается вопрос о появлении в Египте гиксосов (стр. 11—14). Автор повторяет мнение специалистов, что усиление хурритского элемента в Сирии и Палестине¹³, по всей вероятности, сыграло определенную роль и в грандиозном движении гиксосов, вопрос происхождения которых, как справедливо указывают некоторые ученые, все же остается открытым, хотя следует принять во внимание тот факт, что этнический состав гиксосов является в основном семитским. Попытки обнаружить среди гиксосов другой этнический элемент, как известно, не дают убедительных результатов¹⁴.

После краткого обзора известных до настоящего времени письменных источников на хурритском языке, а также документов, содержащих определенные данные о хурритах (стр. 14—19), в первой главе Ф. Импарати касается мимоходом вопроса о связи хурритского языка с древнейшими языками Ближнего Востока (стр. 19—20). Автор книги, не приводя доказательств, допускает возможность прямого родства между хурритским и эламским языками, правильно исключая генетические связи с протохеттским (хаттским). Явно недостаточны суждения, приводимые автором для доказательства родства хурритского и урартского — этих очень близко родственных языков древнего Востока¹⁵. Что касается вопроса о связи хурритского языка с современными кавказскими языками, в частности с грузинским, то, по мнению Ф. Импарати, можно говорить лишь о структурном, а не генетическом родстве этих языков¹⁶.

Подробнее рассматриваются вопросы письменности и языка хурритов (стр. 20—30). После детального изложения мнения Т. В. Гамкрелидзе о том, что в Северной

Сирии была заимствована хурритами силлабическая клинопись митаннийского письма, Ф. Импарати переходит к краткой характеристике хурритского языка. Она убедительно излагает вопросы морфологии и синтаксиса, рассматривая отдельные характерные черты имени существительного, глагольной системы и энклитических частиц интересующего нас языка. В этой части первой главы труда было бы, однако, желательно дать несколько хурритских текстов с переводом для того, чтобы читатель получил наглядное представление о данном языке.

Изложив главные моменты пока все еще безрезультатных попыток подыскать соответствующую этимологию для термина «Хурри» (стр. 31—34), Ф. Импарати в конце первой главы рассматривает название «Митанни, Хангальбат, Нахарин и Хурри» (стр. 34—37), из которых «Хурри» — явно этническое название (в особенности в текстах раннего периода), хотя мы знаем, что в ряде случаев оно выступало и в роли термина политико-географического значения, приравниваясь к названиям «Митанни» и «Хангальбат». Соображение Р. Т. О'Каллагана о том, что три последние названия в XV—XIV вв. были синонимами, подтверждается новыми данными хеттских источников. Так, если в «Новой биллинге» Хаттусили I¹⁷ «Хангальбат» аккадской версии и «Хурри» хеттского варианта текста заменяют друг друга, то сопоставление данных вводной части основного текста «Договора Тальмишаррумы»¹⁸ и нового фрагмента этой же части договора¹⁹ прямо свидетельствует об идентичности терминов «Хангальбат» и «Митанни», что, в свою очередь, указывает на тождественность названий «Хурри» и «Митанни».

В связи с названием «Хурри» следует обратить внимание на термин *ḫurriēni*, засвидетельствованный в источниках лишь один раз — в договоре, заключенном между алалахским царем Никмена и царем Тунипа (AT, 2, 73). Образованное от *ḫurri* и хурритского суффикса *-(e)ni*, который мы видим и в *Mitanni*, название *ḫurriēni* — явно параллельная форма к *ḫurri* (ср. сткк. 73 и 74 указанного договора, где попеременно названы *šaḫē^{MEŠ} ḫurriēni* и *(ša šar) šaḫē^{MEŠ} ḫurri*).

Во второй главе книги «Индо-арийцы в Митанни, Нузи, Сирии и Палестине» (стр. 39—53) рассмотрены вопросы опомастики, ведийских божеств в митанний-

¹³ Н. Otten, MDOG, 91, 1958, стр. 73—84.

¹⁴ E. Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, Lpz, 1923, стр. 80 слл.

¹⁵ H. Klenkel, Ein neues Fragment zur historischen Einleitung des Talmišaruma-Vertrages, ZAss, NF, 22 (56), 1964, стр. 213—217.

¹³ Из новой литературы см. I. J. Gelb, The Early History of the West Semitic Peoples, ICS, XV, 1961, № 1, стр. 39 слл. Там же ссылка на литературу.

¹⁴ W. A. Ward, Egypt and the East Mediterranean in the Early Second Millennium B. C., Or, 30, 1961, № 2, стр. 150 слл.

¹⁵ Подробно см. Г. А. Меликишивили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 89 слл.; Diakonoff, A Comparative Survey..., стр. 1 слл.; о нем же, Сравнительно-грамматический обзор..., стр. 369 слл.

¹⁶ Ср. Дьяконов, Некоторые лингвистические данные..., стр. 5 слл. В этой работе И. М. Дьяконов ставит вопрос о структурном схождении хуррито-урартского языка только с северо-восточнокавказскими (нахско-дагестанскими, языками).

ском пантеоне, «древнеиндийских» терминов в «Трактате о коневодстве» Киккули Митаннийского и др. Среди них в первую очередь привлекают внимание суждения автора о выяснении сущности термина *maḡānu* (стр. 45—49). Разделяя соображения отдельных специалистов о происхождении этого термина от ведийского *māḡu-* (мн. ч. *māḡuās*, вин. п. мн. ч. *māḡu-ān* + хурритский суффикс *-ni*) «юноша, воин», автор подчеркивает, что *maḡānu* составляли определенный социальный класс высшего ранга — «воинов на колеснице»²⁰. При «феодальном» характере организации Митаннийского царства (автор следует тут без раздумий устаревшим стандартам) *maḡānu* являлись «знатыми воинами», способными содержать за свой счет колесницу с двумя конями и обслуживать царя по мере надобности. В связи с вопросом о появлении индо-арийцев в Митани²¹, Ф. Импарати отмечает, что приблизительно к 1700 г. отдельные группы индо-арийцев уже находились в горной зоне вокруг Вавилона, откуда они вторглись и в районы, населенные хурритами. Ко времени Киккули этнический элемент индо-арийцев уже не существовал. Смешавшись с хурритами, они оставили определенные культурные следы среди коренного населения страны, в особенности, в привилегированных слоях общества.

В третьей главе (стр. 55—78) автор, опираясь на предположения, имеющиеся в литературе предмета, усердно старается реконструировать политическую историю Митаннийского царства. Правда, в итоге получилась история царей Митани²², однако упрекать за это автора не приходится, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока еще не дают возможности со всей полнотой воссоздать политическую историю этой страны. Несмотря на это, Ф. Импарати все же удалось, излагая вкратце основные моменты политических взаимоотношений Митани с Северной Сирией, Египтом, Хатти и Ас-

сирией, нарисовать общую картину борьбы между этими государствами.

Однако в этой части очерка почти ничего не сказано о раннем (до 1500 г. до н. э.) периоде политической жизни хурритов. Из этого большого промежутка времени особенно следует выделить период, когда отдельные племенные объединения хурритов поддерживали определенные связи (военно-политические и культурные) с городами-государствами Северной Сирии, и, что самое главное, с хеттами эпохи Древнего царства. Существование этих контактов хорошо засвидетельствовано в текстах исторического содержания на древнехеттском языке, весьма существенные данные которых²³ не использованы автором, по всей вероятности, ввиду того, что данные древнехеттских источников относительно хурритов пока еще никем не обработаны специально²⁴. Именно к концу этого периода следует отнести образование мощного Митаннийского царства с центром в Вашшуканни²⁵.

В этой части книги автор, говоря о политической истории хурритов конца III тыс. до н. э., совершенно не использует данных древневосточных (ассирийских, хеттских) текстов указанного периода относительно страны Хангалбат (Митани), довольствуясь простым упоминанием царей Шаттуара I, Васашатта и Шаттуара II лишь в другом месте работы (стр. 36). В период правления этих последних политических центр племен, живших в верхнем течении рек Хабур и Белих (от Тур-Абдина до р. Евфрат), возможно, находился в гор. Танди, который приобрел особенно большое значение после разгрома Вашшуканни при Супшилулиуме I²⁶.

Более того, во всей книге нигде не отражена и заключительный этап существования хурритов, когда в конце II тыс. до н. э. в Верхней Месопотамии появились арамейские племена, в последующие

²³ См., например, BoTU, 12A, I, 24 слл.; 14, I, 12 слл.; 17A, III, 32 слл.; 19, I, 4 слл.; 20, II, 15 сл. и мн. др. Как известно, в BoTU, 21, III, 13 сл. речь идет о «царях войск Хурри» интересующего нас периода: Уванти, Урутитти, Арви[...] и Увакаццанни.

²⁴ О некоторых моментах хетто-хурритских отношений в период правления Хантили см. A. G o e t z e, On the Chronology of the Second Millennium B. C., JCS, 11, 1957, 2, стр. 55 сл.

²⁵ С этого времени в источниках появляется и само название Mitanni. Оно выступает даже в одном египетском тексте, датированном приблизительно 1500 г. до н. э. — см. H. V r u n n e r, Mitanni in einem ägyptischen Text vor oder um 1500, MIO, IV, 1956, 3, стр. 323 слл.

²⁶ H. K l e n g e l, Zum Brief eines Königs von Hanigalbat (IBoTu I 34), Or, 32, 1963, 3, стр. 290 сл.

²⁰ Подробно см. R. T. O' C a l l a g h a n, Agam Naharaim, Roma, 1948, стр. 66 сл.

²¹ Из последних работ по этому вопросу см. A. K a m m e n h u b e r, Hippologia Hethitica, Wiesbaden, 1961, стр. 15 слл. Там же литература.

²² В вопросе о последовательности царей Митани Ф. Импарати придерживается в основном схемы, предложенной О'Каллаганом (Шутарна I, Паршасатар/Паратарна, Саушсатар, Артатама, Шутарна II, Тупратта, Маттиваз). Убедительно выглядят синхронизмы царей Митани и Алалаха: Паратарна — Идрими, Саушсатар — Никмена, Артатама — Илим-илима и т. д. После этого, разумеется, невозможно допустить, что Шутарна II был современником того же Идрими Алалахского (ср. стр. 60).

периоды всецело поглотившие разные политические объединения хурритов.

Краткой характеристике отдельных сторон социально-экономической жизни хурритского общества по материалам архивов Аррапхи и Нузи автор рецензируемой работы посвящает специальную четвертую главу «Институты и право» (стр. 79—98). Безоговорочно объявляя хурритское общество эпохи Аррапхи и Нузи феодальным, Ф. Импарати знакомит читателей с рядом терминов, имеющих прямое отношение к структуре социально-экономической организации хурритского общества, совершенно игнорируя существование общественных отношений указанного общества, столь убедительно выявленных советскими учеными²⁷.

В связи с характеристикой терминов *ilku*, *dimtu* и *qīštu* автор рассматривает и *maḡūtu* «усыновление», но не менее важные термины социального значения, имеющие прямое отношение к указанным выше, — *ewtu* и *ahūtu* («братство») — не упоминаются²⁸. Из административных должностей, засвидетельствованных в текстах из Аррапхи и Нузи, Ф. Импарати останавливается лишь на довольно высокой должности — *ḥalsuḥlu*. В функции занимавшего эту должность лица входило, по мнению автора книги, управление царскими землями, вплоть до распределения их. Не исключено, что указанное должностное лицо выполняло также военные и судебные функции.

Вкратце рассматривает автор вопросы о найме, залоге (в связи с *tuppi titenūti*), поручительстве, браке и семье по сведениям текстов из Аррапхи и Нузи, приводя краткие данные и о системе уголовной ответственности членов интересующего нас общества. В конце четвертой главы Ф. Импарати дает переводы некоторых текстов, имеющих большое значение с юридической точки зрения.

В указанной части книги обращает на себя внимание то, что картина социально-экономического развития хурритского общества представлена автором весьма неполно. Здесь, так же как и во всей книге, нет характеристики земледелия, скотоводства и ремесла, несмотря на то, что клинописные источники из Аррапхи и Нузи дают обильный материал по этому вопросу. Воздерживается автор и от характеристики отдельных категорий людей указанного

²⁷ Особенно см. Н. Б. Янковская, Землевание больших семейных домовых общин в клинописных источниках, ВДИ, 1959, № 1, стр. 43 сл.; И. М. Дьяков, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 16 сл.

²⁸ Н. Б. Янковская, Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи, М., 1960, 12 стр. (= АС10, I, стр. 226—232).

общества (*ḥuršu*, *nīš*, *bīti*, *ḥabiru*, *ṣuḥāru* и т. д.). Особенно бросается в глаза почти полное умолчание автором о существовании в Аррапхе и Нузи института рабства. Ничего не говорится о социальном и имущественном расслоении хурритов во II тыс. до н. э. и т. д.

Большое место занимает в книге пятая глава, в которой подробно повествуется о религии хурритов (стр. 99—127). В этой части работы умело использованы результаты исследований последних лет, в том числе и выводы, полученные Э. Лярошем относительно взаимоотношений хурритского и хеттского пантеонов. Для изучения хурритской религии громадное значение имеет то обстоятельство, что представленный в Язылыккае пантеон как по последовательности богов и богинь, так и по названию (в довольно неразборчивых приписках) отдельных фигур оказался хурритским.

Хурриты почитали не только божества собственного пантеона, но и чужеземных богов, в частности месопотамских. Во главе пантеона стояла божественная пара: бог бури и погоды Тешуб (шум. Ишкур, вав. Адад, протохетт. Тару) и его супруга Хепат, почитаемые, кроме собственно хурритской территории, в различных странах Ближнего Востока (встречаются и в теофорных именах разных периодов). Их сына Шарруму следует отождествить с богом бури и погоды хеттских городов Нерик и Цишалада. Шимеги (= месоп. Шамаш, протохетт. Иштану) олицетворял бога солнца, а Шаушка (месопот. Иштар, шум. Инанна) — богиню войны и любви.

Далее подробно рассматриваются бог луны Кушух/Кушах (месопот. Син), отец богов Кумарби, великая мать-богиня Кубаба/Кувава (прототип фригийской богини Кибеле/Кибебе) и многие другие второстепенные представители хурритского пантеона. Специально останавливаясь на характеристике пантеона Язылыкка, автор говорит о влиянии хурритской религии на хеттскую, а далее — на религию Кипцуватны. В связи с верованиями хурритов Ф. Импарати рассматривает и эпический цикл относительно Кумарби и Улликумпи, отмечая роль хурритской литературы для истории мировой культуры. Как уже указывали специалисты, выявляются известные контакты с древнегреческой традицией, а именно с гесиодовским мифом о Тифоне и повествованием Геспода о переходе власти от Урана к Кроносу, а далее от этого последнего — к Зевсу (стр. 124 сл.).

В этой интересной части рецензируемой книги, к сожалению, не учтена работа известного хеттолога Г. Оттена²⁹ относи-

²⁹ H. Otten, Die Götter Nupatik, Pirinkir, Hešue und Hatni-Pišaišaphi in den hethitischen Felsreliefs von Yazılıkaya, «Anatolia», IV, 1959, стр. 27—37.

тельно некоторых божеств пантеона Язылыккая. Значение же указанной работы Г. Оттена довольно важно, так как в ней устанавливаются хурритские названия богов №№ 32—30 скульптурной галереи Язылыккая, известных только по идеограммам. Выясняется, что хурритское название бога № 32 — Нупатик (отождествление этого последнего с Забаба, как это делает Импарати на стр. 113, не оправдано), бога № 31 — Пиринкир, бога № 30 — Хешуе (= Забаба). Быков-людей (№№ 29—28) отныне следует называть Хатни и Пишайшапхи, а не Хурри и Шерри. Важен и незамеченный Импарати вывод Г. Оттена о тождестве хурритского бога Ташмишу с месопотамским Нинурта, что исключает тождественность этого последнего с Шувалият.

Предпоследняя, шестая глава рецензируемой работы (стр. 129—134) посвящена вопросам искусства хурритов и его влияния на искусство соседей, в первую очередь хеттов. Здесь по материалам из Нузи, Алалаха, Тель-Халафа, Богазкея и других областей древнего Востока даны крат-

кие сведения относительно керамики, глиптики, скульптурного искусства и архитектуры хурритов.

Много интересного найдут читатели в заключительной главе (стр. 135—149), где рассказывается о первом появлении, разведении и применении лошадей в странах древнего Востока. Автор использует богатую научную литературу о коневодстве, с основными положениями которой читатель может детально ознакомиться по названной выше фундаментальной монографии А. Камменхубер относительно коневодства у хеттов.

Заканчивая нашу рецензию, считаем нужным отметить, что несмотря на перечисленные выше порой серьезные недостатки, книга Ф. Импарати, содержащая общие сведения о хурритах, безусловно окажет определенную помощь широким кругам читателей, интересующихся историей, культурой и религией этого все еще малоизученного этноса древнего Востока.

Г. Г. Гиоргадзе

НОВАЯ КНИГА О «ПОЛИТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

EGON BRAUN, *Das dritte Buch der aristotelischen «Politik» Interpretation*, Wien, 1965 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 247, Abh. 4), 292 стр.

Третья книга Политики Аристотеля, в которой автор дает определения ряда основных понятий государственного устройства, привлекает к себе интерес исследователей (помимо своего содержания) с двух точек зрения. Во-первых, в ней далеко не всегда ясен ход мыслей Аристотеля, что дает повод к разным предположениям о композиции и творческой истории этой книги. Во-вторых, некоторые места и особенно конец III книги послужили основанием для вывода, будто она непосредственно вводит в изображение идеального строя, описанного в VII—VIII книгах; следовательно, думают некоторые исследователи, эти две последние книги представляют собой естественное продолжение III и должны занять место перед книгой IV, которая, как и весь комплекс книг IV—VI, первоначально шла за книгой VIII.

Книга Эгона Брауна, известного знатока политических произведений Аристотеля, дает интерпретацию III книги Политики. По существу она целиком обращена к двум указанным выше проблемам. Сам автор предупреждает читателя в предисловии, что его целью не является исчерпывающий экзегетический и языковой комментарий (стр. 5). Поэтому его интерпре-

тация ни в какой мере не претендует на соперничество с комментарием Ньюмэна (он мог бы добавить — и Зуземля). Читатель книги очень скоро убеждается в том, что старые комментарии к Политике Аристотеля и новый труд Брауна взаимно друг друга дополняют. Самодовлеющая интерпретация отдельных мест сравнительно мало интересует Брауна; можно даже сказать, что он предпочитает со своими читателями хорошее знакомство со старыми толкованиями трудных (со стороны реалий или языка) мест III книги Политики.

Характерная особенность интерпретаций Брауна — это их направленность. Тщательно прослеживая ход мыслей Аристотеля, не увлекаясь легкими поисками неувязок, противоречий, лакун и, наоборот, предлагая правдоподобные объяснения подобных (часто мнимых) дефектов, Браун показывает, что III книга Политики представляет собой, с логической точки зрения, единое хорошо продуманное целое. То же внимательное чтение текста Аристотеля привело исследователя к другому солидно обоснованному выводу: вопреки распространенному мнению, книги VII—VIII не обнаруживают тесной смысловой связи с книгой III, так что отпадает надоб-